Священник Георгий Завершинский: "Однажды услышанное, зароненное в человеческое сердце слово вспоминается, и человек начинает верить, встает на путь, к которому призывает Христос"

Продолжение. Начало читайте здесь.

О богословии подлинного диалога, о рождении богословских книг и их пути к современному читателю порталу «Православная книга России» рассказывает доктор философии, кандидат технических наук священник Георгий Завершинский, прослуживший много лет на приходах Русской Православной Церкви в Ирландии и руководящий ныне Службой коммуникации Отдела внешних церковных связей.

– Часто ли вы бываете в книжных магазинах Москвы и как Вы оцениваете представленную на прилавках литературу?

– До возвращения в Россию я в Москве бывал часто и все время интересовался книжными новинками, покупал их, отслеживал. С того времени, как я стал работать руководителем Службы коммуникации ОВЦС, времени на чтение остается все меньше и меньше, поскольку постоянно надо самому писать, вычитывать и редактировать разнообразные тексты. Но при малейшей возможности, я посещаю книжные магазины, поскольку до сих пор снабжаю книжную лавку в

Ирландии книгами из Москвы, а подбирая книги для них, нахожу что-то и для себя.

Хочу подчеркнуть, что книгами интересоваться надо всегда. Нельзя сказать: «Раз рынок переполнен литературным, богословским спамом, здесь для меня нет ничего интересного». Надо следить за ситуацией. Всегда, независимо ни от чего, промыслительным образом появляются книги, каждая из которые, как некая самодостаточная вещь, долго вызревала у автора и вот, наконец, доходит до читателя.

Всякая книга требует уйму времени, сил, работы, опыта, в конце концов. Не всякий человек может от написания статей, репортажей, интервью, эссе перейти к написанию книг. Это другой жанр, другой формат. Она должна иметь определенную идею, внутренний стержень, быть востребованной. Кому-то, конечно, эти идеи могут показаться неинтересными, но обязательно, особенно в Москве, найдутся те, кому это нужно и важно услышать.

– Можно сказать, что Вы оптимистично оцениваете потенциал читательской аудитории в России.

– Говорят, что процент читающих людей в России падает, но я думаю, что это объясняется новыми технологиями: вместо бумажных книг люди читают электронные. Я не считаю, что интеллектуальный уровень упал. Конечно, напечатанную книгу гораздо приятнее читать, но для этого требуется особое время, обстановка. Электронные книги созданы для того, что бы читать их в метро, в дороге – ведь с собой так можно возить целые библиотеки.

С другой стороны, бумажная книга не потеряла своего значения, они издаются, и будут издаваться. Я предпочитаю, по возможности, бумажную книгу электронной.

Книги надо издавать как можно более качественно и с точки зрения оформления, и содержания. В богословской, философской сфере у нас такие стандарты выдерживаются.

– Содержание же и главный стержень практически всех ваших трудов – богословие диалога, верно?

– Мои работы посвящены православному взгляду на диалог, общение, встречу человека с человеком, человека с Богом и человека с этим миром, не безличной природой, но миром. В своей работе я отталкивался от идей выдающегося мыслителя прошлого века Мартина Бубера, который как раз писал о философии диалога, о диалогической паре «Я-Ты» в своей книге, которая так и называется «Я и Ты».

– **Расскажите, как состоялась ваша встреча с этой книгой Бубера?**

– Мне сначала попала в руки не сама книга, а комментарий на нее. Книги Бубера, как очень глубокого мыслителя, уже давно превратились в некий первоисточник, который многообразно и многократно комментируется.

Сам он не считал себя философом, ставящим цель привести всё в систему. Он называл себя скорее созерцателем, чем ученым. Тем не менее, его книги, труды послужили мощным базисом для последующего развития философии персонализма и диалога. Вместе с ним можно назвать такие имена, как Эммануэль Левинас, Франц Розенцвейг, Фердинанд Эбнер и других.

Хочу отметить, что Бубера прекрасно перевели на русский язык. Многие вещи в русском переводе Лёзова переданы даже лучше, чем в английском, я могу говорить об этом, поскольку сам сверял и сравнивал тексты.

Всю свою жизнь Бубер занимался комментариями к Ветхому Завету и Торе, написал пространное эссе «Два образа веры», где он сопоставляет христианство и иудаизм. Можно сказать, что это очень интересный опыт, и, наверное, наиболее удачный из всего опыта такого рода сравнения, когда оценка христианства дается с точки зрения иудаизма.

– **В чем основная, развиваемая Вами в рамках богословия диалога, идея?**

– Идея Бубера стала для меня импульсом, далее я ввел эту мысль в область Троичного богословия, как бы трехмерного диалога, подобного диалогу Божественных Лиц. Ведь само слово "диалог" мы часто понимаем как общение двух, что на самом деле неправильно. «Диа» – означает «между», «логос» – здесь причина, побудившая к встрече, «то, что между». Так более правильно понимать слово диалог. Такое понимание можно встретить у авторитетного греческого философа и богослова Христоса Яннараса.

Это одно из наиболее интересных и глубоких пониманий слова «диалог». Диалог – это встреча двух или более, но встреча, к которой мы приглашены третьей стороной, независимой от нашего «я».

К сожалению, при встрече людей диалог чаще всего превращается в монолог. Люди беседуют, но каждый остается при своем, и они это удивительным образом маскируют. Вроде бы идет живое, активное общение, а на самом деле оно не затрагивает никоим образом никого из нас, и мы расходимся, довольные собой.

Бывает также простой «технический» диалог. Например, мы зашли что-то купить в магазин. Вступаем в общение, договариваемся о понятных вещах на понятном языке, и снова расходимся, довольные тем, что это не коснулось самого главного. То, что внутри меня, мое, осталось при мне.

Так вот подлинный диалог именно вот это, самое главное, и затрагивает. Надо давать себе отчет в том, что подлинный диалог – это всегда некая жертва, это нелегко.

С одной стороны, настоящий диалог в обычном человеческом общении осуществляется крайне редко или почти никогда. С другой стороны, что я и пытаюсь показать в своей работе, мне кажется, подлинный диалог совершается в церковном, литургическом общении, там, где мы собраны во имя Христа. «*И уже не я живу, но живет во мне Христос*», – как говорит апостол Павел (Гал., 2,20). Христос приглашает меня к подлинному диалогу с моими братьями и сестрами.

– **Встречали ли вы интерес к Буберу у других современных православных мыслителей?**

– Попыток просмотреть философию Бубера в контексте православного богословия я не встречал. И я такой попытки не делал. С моей точки зрения, Бубер не как хасид, не как иудей, а человек, искренне стоящий на пути богопознания, изнутри своей традиции, в которой он родился и вырос, достиг некоторых вершин. Так в среде неоплатоников Плотин вплотную приблизился к христианству. Казалось, еще шаг, и он бы стал христианином. Но этого не произошло.

В своей книге «Два образа веры» Бубер критикует христианство в преломлении Иоанна и Павла, потому что он учился в западных немецких и австрийских университетах и смотрит на христианство сквозь призму протестантской теологии. Православная традиция ему неизвестна, думаю, если бы он был знаком с ней, он мог бы и иначе взглянуть на эту тему.

Применять его философию для выражения православных взглядов не нужно. Но с точки общечеловеческого взгляда на диалог, встречу человека и человека, человека и окружающего мира, человека и Бога, изнутри самой человечности Бубер достиг высот. К этому надо прислушаться. Кроме того, это дает отличный философский инструментарий в богословии личности, удобно выражает некоторые трудно выразимые опытно постигаемые вещи.

– **Возможно ли опираться на эти идеи в межрелигиозном, например, иудео-христианском диалоге?**

– Мне довелось прочитать цикл лекций «Бубер и христианство» в дублинской синагоге, которая имеет свои глубокие традиции. Может быть не все знают, что до возникновения государства Израиль еврейская община имела определенную планы на Ирландию. В преддверии второй

мировой войны еврейская диаспора обратилась к ирландскому обществу с предложением сделать из страны рай, образовав там еврейское государство, но ирландская христианская традиция оказалась не слабее.

Ирландцы после получения независимости были в нищете, вся индустриальная мощь Британии оказалась недоступной им. Представьте себе трагедию народа, который живет рядом с развитым и процветающим государством, где люди говорят на одном с ними языке, родственно близки и имеют тесные связи. Пребывая в нищете, ирландцы предпочли независимость и свободу зависимости и благополучию. Из тех же соображений ирландцы отказались и от предложения иудейской диаспоры. Этому есть исторические подтверждения.

Интерес к Буберу в иудео-христианском диалоге на Западе присутствует. Бубер особенно интересен христианам как глубочайший исследователь и переводчик книг Ветхого Завета на немецкий язык. Труд всей его жизни является большим достоянием и для христиан всего мира.

– Нужно ли современному православному богословию обращаться к опыту западной философии?

– Можно сказать и да, и нет. Мы можем обращаться, скажем к Буберу или Хайдеггеру отнюдь не для того, чтобы обогатить православную традицию их философией. Православное богословие, которое зиждется на святоотеческом Предании, действительно самодостаточно, в нём есть все. Глубина Православия открывается человеку годами и десятилетиями по мере его вхождения в церковную традицию, углубления его церковной жизни, духовного опыта. Но ведь Церковь призвана свидетельствовать, и, свидетельствуя, говорить на языке, понятном и не церковному человеку. Поэтому Церковь во все времена привлекала для апологии христианства и разговора с миром внешним философский метод, его аппарат и терминологию. Наше время – не исключение.

Подчеркиваю, что мне довелось жить на Западе, где перед Православием стоят свои задачи: достучаться до сердца западного человека, быть ему понятным, говорить на его языке. Думаю, что этот опыт небесполезен и в России. Мы же не стремимся замкнуться и маргинализироваться, поставить себя вне остального мира или над ним. Это было бы очень недальновидно, и не принесло бы успеха православной миссии, а, скорее, наоборот могло бы повредить. Поэтому я считаю, что обращение к современным мыслителям, внимание к их взглядам, к тому, как воспринимаются их идеи обществом, мыслящими людьми и научной средой для Церкви важно.

– Разве для разговора с современным человеком необходим непременно философский язык?

– Это зависит от аудитории, к которой мы обращаемся. В России, и особенно в Москве, знаете, очень высокий уровень образованности и интеллекта, здесь очень глубоко воспринимают разные идеи, в том числе и философские.

Согласен, что пастырь должен уметь говорить с каждой аудиторией на ее языке, для всех стать всем, как говорит апостол Павел. Пример нам – Святейший Патриарх Кирилл, который находит отклик в любой аудитории. Еще в давние времена мне приходилось тогда еще с митрополитом Кириллом бывать в отдаленных приходах Калининградской области, где он служил, проповедовал, и я видел, как люди любят и ловят каждое его слово, потому что оно было им понятно. Недавно же Святейший Патриарх Кирилл посетил одно из серьезнейших научных заведений – Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (Московский инженерно-физический институт). Удивление и восхищение научной аудитории вызвало то, что Патриарх Кирилл говорит на ее языке, поэтому там его слово тоже воспринималось адекватно и серьезно.

В любой аудитории пастырь и архипастырь, в первую очередь, проповедует, доносит до людей слово Божие, и когда человек прислушивается, внимает, это слово каким-то таинственным образом производит в нём работу. Мы не говорим о мгновенном обращении сотен и тысяч, слышащих это слово, но я уверен, что именно так человек и приходит к Богу. Однажды услышанное, зароненное в человеческое сердце, слово вспоминается, и человек начинает верить, встает на путь, к которому призывает Христос.

– Раз уж речь зашла об аудитории, расскажите о ваших выступлениях в Культурном центре на Покровке. Как Вы ведете диалог с московской аудиторией?

– Эти встречи с периодичностью раз в два месяца происходят уже несколько лет. Я бы даже не назвал их лекциями, поскольку у них иная форма – общение. Я не называю это дискуссиями, потому что дискуссия подразумевает столкновение различных точек зрения, доминирование одного мнения над другим. Этого я хочу избежать, чтобы хотя бы по духу приблизится к тем духовным беседам, которые проводил архимандрит Софроний (Сахаров). Это встречи в формате собеседования, совместного выражения того, что нам взаимно интересно и понятно. Речь идет о разных аспектах богословия диалога сквозь призму разных тем, но все сводится к Троичному богословию.

Аудитория собирается философски, богословски и духовно подготовленная, с некоторыми людьми я знаком не первый год, появляются и новые лица. Состав и количество участников наших диалогов все время разное, но, в целом, все проходит достаточно живо и интересно, так что мы почти всегда выходим за рамки того времени, что нам отпущено.

– **Какова основная цель встреч, о которых Вы рассказываете?**

– Идея этих встреч заключается в том, что богословие и богословское общение должно стать интересным. Это нелегко. Многие богословы не без основания считают, что Троичное богословие – это тайна и касаться ее человеческим разумом не стоит, а лучше, согласуясь со святоотеческой традицией, созерцать ее в глубинах сердца.

Я вполне понимаю такой взгляд, но хотелось бы сказать, что святоотеческая традиция и Предание, по выражению отца Георгия Флоровского, это не нечто застывшее в омертвевшей догматической форме. Отец Георгий говорил о том, что мы должны придерживаться метода отцов, а средства его выражения в разные эпохи могут быть разными. Следуя методу отцов, понимая и вдохновляясь им, мы призваны богословствовать и говорить не столько о тайне Пресвятой Троицы, сколько о возможности ее опытного постижения и соприкосновения с ней всего целокупного человека, у которого, кроме сердца, есть еще и разум, который играет в человеческой жизни отнюдь не пассивную роль.

Разговор о богословских предметах может и должен стать интересным и понятным. На наши встречи, понятное дело, собираются верующие люди, которых не надо убеждать верить в Троицу и догматы Церкви. Речь о том, что наша вера – живая, а не мертвая. В нас Духом Святым, как говорит отец Софроний (Сахаров), пробуждается догматическое сознание. Оно в нас живет и побуждает нас к творчеству. Для того, кто чувствует это призвание, богословие становится творчеством.

В своих беседах, я пытаюсь побудить аудиторию к диалогу на богословские темы, не обсуждая сами догматы, а используя их как границы, очерчивающие то пространство, в рамках которого мы и можем вести интересный диалог.

– **Из всех православных богословов Вы особенно выделяете архимандрита Софрония (Сахарова). Чем он Вам близок?**

– Духовный опыт и богословие архимандрита Софрония (Сахарова) и его учителя преподобного Силуана Афонского еще недостаточно широко и повсеместно воспринят православными России так, как, например, в Греции.

На посвященной богословию о. Софрония конференции в Афинах, в которой участвовал и я, собрался весь цвет греческой богословской мысли: монашествующие, духовенство, миряне. Эта конференция вызвала огромный публичный интерес и транслировалась по телевидению. Зал был переполнен, звучали интереснейшие доклады.

Удивительно, что богословие архимандрита Софрония, русского по происхождению, на Родине если и известно, то не повсеместно принято. В некоторых кругах до сих пор сохраняется настороженное отношение к его трудам. Думаю, всему свое время, придет оно и для духовного наследия преподобного Силуана Афонского и его ученика и келейника архимандрита Софрония. В их диалоге, духовном горении, святости учителя, от которого многое воспринял его ученик, мне кажется, сокрыт замечательный духовный и богословский пример для всех нас.

Отец Софроний, ссылаясь на свой преклонный возраст и многолетний опыт духовничества, уже не боялся чужих мнений и поэтому мог прямо выражать то глубокое, интимное, что происходило в его жизни. Он глубоко лично воспринимал веру, присутствие Божие в своей жизни и мог выразить вещи, которые традиционно считались просто невыразимыми.

Не говорю, что эти книги можно читать всем и сразу, но по мере роста интереса к предметам глубокой духовной жизни обращение к духовному опыту отца Софрония будет важным.

– **Возвращаясь к Вашему опыту, как автора, скажите, что вы чувствуете, когда берете в руки свою новоизданную книгу?**

– Это чувство трансформируется от книги к книге. Сначала, конечно, было чувство удовлетворения, радости, которую человек получает в конце законченного труда, но чем дальше, тем больше этот взгляд меняется. Радость сопровождается некоторым страхом найти неточность или неудачное место. Открывая книгу, иногда первым делом вижу ее недостатки, однако стараюсь не давать воли этому чувству. Потому что чувство радости от завершенного труда – хорошее чувство. Определенный этап завершен, за всё слава Богу.

Моя работа с книгами не завершается их изданием. Я продолжаю постоянно читать свои книги, потому что использую их в духовных беседах с прихожанами. Чтобы наши беседы имели определенную тему, я задаю ее по параграфам книги, а потом мы вступаем в диалог, общение.

Перечитывая свою книгу, я отношусь к ней так же, как к любой другой: нахожу и что-то удачное, интересное, и что-то, о чем можно поразмышлять еще.

– **Можете ли Вы что-то посоветовать начинающему автору?**

– К написанию книги у самого автора должен быть очень строгий подход. Необходимо не допускать себе ни малейших послаблений из серии «а, это пройдет, никто не обратит внимания». Ни в коем случае! Представьте себя самым строгим читателем, и, много-много раз перечитывая то,

что собираетесь публиковать, вносите новые правки, необходимые разъяснения, убирайте ненужное. Конечно, в какой-то момент этот, казалось бы, бесконечный процесс, прерывается, и книга выходит в свет. Как правило, любой автор может подтвердить, что потом он всё равно находит в книге то, что можно было бы переписать, переиначить.

Но, наконец, на каком-то этапе достигается согласие с самим собой, издателем и редактором и книга приходит к читателю.

Для себя я понял, что процесс работы над книгами должен быть постоянным. Я начал писать и публиковать книги, будучи в Ирландии, и еще не так много всего вышло, но теперь я понимаю, что когда одна книга уже опубликована, вторая издается, а третья – в процессе работы, то всё время ощущаешь, что следуешь некому пути.

По выражению митрополита Каллиста (Уэра), наша вера, духовная, церковная жизнь, Православие – это путь. В творчестве человек тоже должен постоянно ощущать себя идущим, испытывать потребность облечь в форму свои мысли и чувства, чтобы представить их на свой собственный суд и на суд других людей.

Продолжение следует

Автор: Валерия Ефанова
Дата публикации: 19 апреля 2010 года

Источник

Источник: https://mospat.ru/ru/news/57368/